

ского строительства, и тех, которые ныне работают на ответственных участках партийной и советской работы, стоят в первых рядах тружеников производства, активно содействуют подъему культурного уровня своего народа, пополняя ряды педагогов, врачей, ученых, работников искусства и т. д.

Огромные перемены произошли и в семейном быту казахстанских уйгуров. Под влиянием новых общественно-экономических условий исчезли многие старые брачные нормы и обычаи. Так, например, брак теперь в большинстве случаев заключается в соответствии со взаимной склонностью юноши и девушки, в результате их предварительного знакомства. «Вступление в брак,— пишет Р. Д. Ходжаева,— бывшее нередко в прошлом печальным и даже трагическим событием в жизни уйгурской девушки, превратилось для нее в свободный выбор любимого человека...» (стр. 274). Однако, как отмечает автор, еще наблюдаются со стороны стариков попытки вмешаться во взаимоотношения молодежи, противодействовать свободному выбору будущего мужа или жены (там же). В современном свадебном обряде исчезли многие старинные черты, самый обряд значительно упростился, но все же нередки случаи устройства свадьбы в соответствии со старыми обычаями — примеры этому приводятся автором (стр. 274—275). С другой стороны, Р. Д. Ходжаева далее сообщает о внедрении новых свадебных обычаев, в круг которых входит предварительная регистрация брачующихся в ЗАГСе, устройство товарищеских вечеринок с участием друзей, нередко — представителей других национальностей, и т. д. (стр. 276). В новых семейных взаимоотношениях примечательны изменения, происшедшие в положении невестки («келин»), ранее крайне приниженном. Ныне келин во многих семьях стала равноправным их членом, хотя кое-где еще наблюдается стремление к сохранению старых обычаев по отношению к ней. Остановившаяся далее на других сторонах современного быта казахстанских уйгуров, автор в заключение подчеркивает, что «судьба уйгурской женщины, как и женщины других национальных советских республик Востока, является поучительным и вдохновляющим примером для развития мощного прогрессивного общественного движения в защиту прав женщины в странах, находящихся в колониальном и зависимом положении» (стр. 284).

Недостатком работы Р. Д. Ходжаевой следует признать, что в ней слабо отражена специфика быта уйгуров, отличающая их от других народов Средней Азии.

В результате рассмотрения включенных в рецензируемый сборник работ мы приходим к выводу о его несомненной ценности. Приводимые авторами данные значительно обогащают наши сведения о современной жизни населения отдельных областей Казахстана. Следует пожелать казахстанским этнографам новых успехов в дальнейших исследованиях и публикациях, уже по другим областям Казахской ССР.

О. Корбе, Е. Махова

Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1956, 181 стр.

Рецензируемая книга посвящена публикации материалов Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции, собранных в 1953 г. Три четверти тома занимают статьи сотрудников антропологического отряда.

Статья Г. Ф. Дебеца «Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных» представляет собой введение к антропологическим статьям сборника. Автор подвергает убедительной критике теории происхождения тюрков, выдвинутые турецкими националистами, и заблуждения по вопросам тюркского этногенеза, проникшие в нашу литературу. В соответствии с большинством исследований, трактующих проблемы происхождения тюрков, Г. Ф. Дебеч пишет, что «теория центральноазиатского происхождения тюрков... остается в основных своих положениях непоколебленной» (стр. 8). Исходя из этого общего положения, автор статьи рассматривает антропологический материал, который может быть мобилизован для освещения происхождения киргизского народа. Он указывает на то, что «подавляющее большинство физических предков современных киргизов происходит из Центральной Азии» (стр. 16), однако «небольшие отличия антропологического типа киргизов долин от типа киргизов горных областей позволяют предположить, что древнее европеоидное население этих долин все же вошло, хотя и в незначительной доле, в состав киргизского народа» (стр. 17). Таким образом, Г. Ф. Дебеч, как и авторы других антропологических статей сборника, отстаивает точку зрения пришлого, центральноазиатского происхождения основной массы предков современных киргизов. Наиболее важным в этой связи является определение времени проникновения центральноазиатских кочевников на территорию Киргизии. Очевидно, что массовое проникновение их относится к концу I — началу II тысячелетия н. э. Спорным является вопрос о времени начала переселения. В противовес широко распространенному взгляду о монголоидном типе черепов из Кенкольского катакомбного могильника, впервые высказанному покойным А. Н. Бернштамом и защищаемому в настоящее время В. В. Гинзбургом и рядом других исследователей, Г. Ф. Дебеч утверждает, что монголоидные черты у населения Кенкольского могильника были выражены не резче, чем у населения Киргизии в предшествующую

эпоху и что, следовательно, первое проникновение монголоидных элементов на территорию Киргизии относится к сако-усуньскому времени. Это аргументируется убедительным сопоставлением признаков, характеризующих уплощенность лицевого скелета сако-усуньских и кенкольских черепов.

Большого внимания заслуживает предложенный Г. Ф. Дебецом способ сопоставления соматологических и краниологических данных. Значение этого метода заключается в том, что он дает возможность, во-первых, перебросить мост от соматологических к краниологическим, а следовательно, и к палеоантропологическим данным, во-вторых, — сопоставлять соматологические наблюдения разных исследователей, в-третьих, этот способ пригоден для любого числа признаков. Возможность графического изображения придает ему простоту и наглядность. Поскольку в настоящее время дальнейшая объективизация методов анализа всех трех видов антропологических материалов — палеоантропологических, краниологических и соматологических — является одной из основных задач антропологического исследования, предлагаемый Г. Ф. Дебецом метод должен быть обсужден специалистами и применен к самому разнородному материалу с тем, чтобы выявить границы его приложения.

Статья Н. Н. Миклашевской «Соматологические исследования в Киргизии» посвящена публикации соматологических материалов, собранных антропологическим отрядом экспедиции. Исследованием были охвачены все этнографические группы киргизского народа, а также две группы казахов, сарт-калмыки и дунгане. Таким образом, публикуемый материал охватывает 21 группу. Наряду с разбивкой по родоплеменным группам материал по киргизам разбит по территориальным группам, что дает возможность автору проанализировать не только этнические, но и территориальные вариации отдельных признаков. Статья открывается обзором антропологических исследований в Киргизии, начиная с первых работ Уйфальви и кончая известными исследованиями Л. В. Ошанина и А. И. Ярхо. Результаты этих исследований (смешанный в отношении монголоидного и европеоидного стволов расовый состав киргизов и большая монголоидность горных киргизов в сравнении с долинными) подтверждаются вновь собранными материалами и приобретают значение достоверных фактов. Наряду с этим материалы Киргизской экспедиции позволяют осветить ряд совершенно новых вопросов. Так, отпадает защищавшееся Л. В. Ошаниным представление о тождественности антропологического типа казахов и киргизов. По всему комплексу признаков, различающему монголоидов и европеоидов, казахи отличаются от киргизов значительно большим приближением к европеоидной расе. Интересен и своеобразен тип киргизов Алая. Самая темная пигментация и наибольший процент эпикантуса сочетаются у них с сравнительно узким лицом. Н. Н. Миклашевская совершенно права, допуская возможность связи этого типа с северокитайским. Это не говорит, разумеется, о том, что именно китайцы принимали какое-то участие в формировании антропологического типа киргизов Алая. Данные по пигментации киргизов Тянь-Шаня, отличающихся наибольшей выраженностью монголоидных особенностей, еще раз свидетельствуют о том, что на территории Средней Азии потемнение пигментации и степень выраженности монголоидного комплекса признаков не всегда связаны прямой межгрупповой корреляцией. Все эти частные наблюдения представляют большой интерес и обогащают наши представления об антропологическом составе не только киргизского народа, но и населения Средней Азии в целом.

В статье И. М. Золотаревой «Соматологические исследования в Ферганской долине» специальному анализу подвергнут материал, собранный там антропологическим отрядом экспедиции. Обследованию подверглись каракалпаки, кыпчаки, не имевшие родовых делений узбеки, тюрки, уйгуры и таджики. Для сопоставления с монголоидными группами использованы киргизы малочисленных племенных групп, не включенные в основной материал экспедиции, публикуемый в статье Н. Н. Миклашевской. Как и следовало ожидать, таджики занимают крайнее место по степени выраженности европеоидных особенностей. К ним приближаются уйгуры и тюрки. Каракалпаки, кыпчаки и не имевшие родовых делений узбеки занимают промежуточное место между уйгурами, с одной стороны, и тюрками и киргизами, с другой. И. М. Золотаревой сделана попытка объективного определения таксономической ценности отдельных признаков на территории Средней Азии. Для этой цели степень различия по данному признаку между всеми исследованными выражена автором в долях средней сигмы. Очевидно, что наиболее различающимися оказались признаки высокой таксономической ценности, по которым и проводилось сравнение. Подобная попытка статистического подхода к определению диагностического значения признаков, насколько мне известно, произведена впервые и заслуживает серьезного внимания. Интересно было бы проверить этот прием на материале с более широкой территории и на большем числе групп.

В статье В. В. Гинзбурга «Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины» описаны 23 разновременных черепа. Древнейшим типом населения Ферганской долины был европеоидный. Он характерен и для черепов «сарматского времени» из Гур-Мирона и Куvasая. Ясные следы монголоидной примеси выявляются только на черепах XVIII—XIX вв. Очевидно, однако, что начало проникновения монголоидов надо относить ко времени, минимум на тысячу лет более раннему, и только отсутствие материала мешает фиксировать этот факт. Типологически разнообразные сочетания признаков всех публикуемых черепов говорят о большой смешанности древнего населения Ферганской долины. Для восстановления сложной картины его расового состава необходим гораздо более полный материал.

Статья В. П. Алексеева «Хакасы, енисейские кыргызы, кыргызы (сравнительно-краниологический очерк)» посвящена публикации серии хакасских черепов, собранной автором в 1953 г. в результате раскопок близких к современности кладбищ на территории Минусинской котловины. Из шести этнографических групп хакасского народа в публикуемом материале представлены три: сагайцы, бельтыры и верхнеабаканские шорцы. Автор убедительно аргументирует принадлежность их к уральской группе антропологических типов, что позволяет ему поставить вопрос о гораздо большем, чем предполагалось до сих пор, участии самоедо- и угроязычных народностей в этногенезе хакасов и выступить против гипотезы С. В. Киселева о прямой преемственности между последними и «енисейскими кыргызами». Отсутствие преемственности аргументируется сопоставлением современных хакасских черепов с черепами позднего железного века Хакасии, в свое время опубликованными Г. Ф. Дебецом и вновь исследованными автором рассматриваемой статьи по программе, включающей современные приемы измерения. Поскольку черепа из серии позднего железного века относятся к южносибирскому типу, следует полагать, что «енисейские кыргызы» сыграли меньшую роль в этногенезе хакасов, чем это предполагалось С. В. Киселевым.

Сомнение вызывает заключительный тезис В. П. Алексеева о генетической преемственности современного населения Киргизской ССР и «енисейских кыргызов». Морфологическое сходство дает основание для этого вывода, однако в целях объективности аргументации следовало бы указать, что, по-видимому, не меньшее сходство обнаруживают современные кыргызы и со средневековым населением горного Алтая, и с поздними кочевниками Киргизии. Очевидно, морфологическая близость является результатом общего происхождения из Центральной Азии, а не показателем прямого генетического родства. Публикация более полных краниологических материалов по средневековому населению Алтае-Саянского нагорья и современным кыргызам, собранных в результате работ Киргизской экспедиции в 1954 г., поможет окончательно решить этот вопрос.

Сборник заключает статья Я. Р. Винникова «Родоплеменной состав и расселение кыргызов на территории Южной Киргизии». Автором публикуются почти исчерпывающие сведения о родоплеменной структуре кыргызов Джалал-Абадской и Ошской областей. В качестве итога работы предлагаются три карты: расселения кыргызских родов в Южной Киргизии до революции, современного населения Джалал-Абадской области и современного населения Ошской области. Их подробная оценка — дело специалистов; здесь нельзя не указать только, что составление этнических карт такого масштаба для всей Киргизии и для других территорий, заселенных народами, говорящими на тюркских языках, позволило бы гораздо полнее учитывать данные о родоплеменной структуре при этногенетических исследованиях, чем это делалось до сих пор. Для Средней Азии карты Я. Р. Винникова являются первым и очень удачным образцом обобщения и демонстрации таких данных; они уже сейчас позволяют учесть роль некоторых древних племенных образований Центральной и Средней Азии — кыпчаков, найманов, калмыков и других — в этногенезе кыргызов.

В целом, рецензируемая книга — успешный результат большого труда коллектива Киргизской комплексной экспедиции. Вводя в науку значительный новый материал, она дает интересное освещение поднимаемым вопросам. Следует указать на необходимость скорейшей публикации остальных материалов экспедиции и в первую очередь собранных археологическим и этнографическим отрядами.

Т. Алексеева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О ТИБЕТЦАХ

После мирного освобождения Тибета (май 1951 г.) началось всестороннее изучение этой части Китая. Завершение строительства двух первых дорог (декабрь 1954 г.) дало возможность не только оказывать помощь Тибету в деле развития его экономики, но и в еще больших масштабах развернуть его изучение. За последние годы значительно усилилось сближение тибетцев с другими братскими национальностями Китая. Необходимость дать широким кругам читателей представление об истории, хозяйстве одной из самых крупных национальностей страны и о переменах в ее жизни, наступивших после мирного освобождения Тибета, вызвала появление ряда книг и брошюр, посвященных различным сторонам жизни не только населения Тибета, но и тибетцев, населяющих некоторые районы провинций Цинхай, Сычуань и Юньнань. Авторы книг — специалисты по истории Тибета, географы, геологи, журналисты — в той или иной степени останавливались на вопросах, связанных с этнографией тибетцев. Не рассматривая всю литературу о Тибете, вышедшую в КНР с 1951 г., остановимся на освещении этнографии тибетцев в известной нам литературе последних лет (1954—1956), когда на страницах печати быт тибетцев получил большое освещение.